

Стрижак О. С. Етніонімія Геродотової Скифії. Київ, 1988.
Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов верхнего Поднепровья. М., 1962.

Д. Н. Лоскутова
Тамбов

Образ знахаря в народной медицине: этнолингвистический аспект (на материале Тамбовской области)

Личность знахаря как носителя заговорной традиции находится в центре внимания ученых различных областей. Описана знахарская практика различных территорий России, однако исследования, выполненные на материале южнорусских говоров, пока малочисленны. В основу данной работы положен полевой материал, собранный на территории Тамбовской области (2003–2008 гг.) и личный архив Т. В. Махрачёвой.

В центре внимания – гендерная проблематика знахарской деятельности. Замечание К. А. Богданова [2001, 154] о неразличении женской и мужской сфер магической деятельности справедливо и по отношению к Тамбовской области. В современной традиции Тамбовщины нет практикующих знахарей-мужчин, отдельные сведения о них хранятся в памяти жителей; знахарство стало практически женским занятием (ср. вывод Е. Е. Ермаковой [2005, 253] о феминизации западносибирской лечебной практики). Наши рассуждения будут касаться женского знахарского ремесла.

В обозначениях лекарки актуализируются семы: «*п р о и з н е с е н и е з а г о в о р а*» – *басі́ха* [СТГ, 34] (ср. *басіть*, *басіть* ‘говорить’ [СВГ, 1, 22; СРГСУ-Д, 17], *басе́нье* ‘закливание, заговор’, *басіть* ‘лечить’ [Деул. сл., 49] и др.); *шепту́ха* (ср. *шепта́ть* ‘произносить заговор’); «*л е ч е н и е*» – *лека́рка*; «*о б л а д а н и е з н а н и е м*» – *знаха́рка*. Частотные лексемы *ба́бка* и *ба́бушка* отражают близость образов знахарки и повитухи, что подтверждается материалами других регионов [см.: Минёнок, 1994, 364]. В южнорусских говорах одно из значений слова *ба́бка* – ‘повитуха’ [Деул. сл., 47]. Корень *баб-* продуктивен в номинациях, относящихся к сфере родильно-крестильной обрядности: *баби́ны* [СТГ, 30–31], *ба́бничать* [СГСЗ, 28].

Другая область «профессиональной» деятельности, которую совмещала знахарка с лечением, – чтение молитв по покойным.

Хорошо известна двойственность воззрений на личность целителя, объясняющаяся его пограничным положением между миром человека и миром болезни. Говоры области хранят представления об отождествлении мастерства колдуна и знахаря: для терминов *за́говор* (*заговóр*), *заговáривать*, *наговáривать* характерно явление энантиосемии. Дуализм образа нашел отражение в быличках, где персонаж выступает и целителем, и «вредителем»: он насылает болезнь и является единственным,

кто может излечить ее. Об этом же свидетельствует совмещение значений 'знахарь' и 'колдун', 'лечить' и 'колдовать' у дериватов корня *зна-* [Шкураток, 2007, 202], лексем *гадаль*, *гадаль* [СГРС, 3, 7], *ворожэй* [СРГСУ-Д, 79].

Согласно источникам XIX в., колдун связан с нечистой силой, знахарь – с Богом [Ушаков, 1997, 206; Колчин, 1997, 242]. Положительный образ знахаря представлен и в современной заговорной традиции региона. Для создания образа верующей и благочестивой лекарки выстраивается парадигма экстралингвистических факторов:

1) социальный статус: вдова, дева, женщина с физическими, умственными патологиями, странница, которые одарены божественной благодатью и лечат особенно эффективно. Умение лечить расценивается как божественный дар;

2) условия получения мастерства: первый или последний ребенок в семье; по наследству. Авторитет знахаря распространяется и на выбор продолжателя дела;

3) способ получения знаний – сакральный: от святых во сне; нищих и странников; талант от Бога.

Исследователи склонны говорить «о наличии посвящения в традиции восточнославянского знахарства» [Поповкина, 2006, 93]. Мотив избранничества взаимодействует с мотивом предсказания: номинации знахарки *ворожѣйка*, *ворѣжа* и лечения – *ворожѣть* [СТГ, 49]. Прогностическая деятельность связана с диагностикой заболевания: знахарка проявляет осведомленность болезнью, не прибегая к каким-либо манипуляциям; рассказывает о событиях, случившихся с «пациентом» накануне его обращения к ней; сообщает больному причину недомогания; описывает облик навредившего. Проницательность, способность предвидеть отражена в лексеме *прозорливый* как характеристике знахарки.

Богданов К. А. Гендер в магической практике: русский случай // Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах: Мат-лы науч. конф. 19–21 февраля 2001. СПб., 2001.

Ермакова Е. Е. Знахарь в славянской традиции юга Западной Сибири // Живая традиция заговора Сибири: сакрально-ритуальный дискурс знахарской практики. Тюмень, 2005.

Колчин А. Из статьи «Верования крестьян Тульской губернии» // Русское колдовство, ведовство, знахарство. СПб., 1997.

Минёнок Е. В. Роль женщины в заговорной традиции // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен: Мат-лы междунар. конф. 1993 г. М., 1994.

Поповкина Г. С. Знахарство восточных славян юга Дальнего Востока России: Дис. на соиск. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2006.

Ушаков Д. Н. Из «Материалов по народным верованиям великороссов» // Русское колдовство, ведовство, знахарство. СПб., 1997.

Шкураток Ю. А. Мифологическая лексика в пермских говорах (слова с корнем *зна-*) // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии. Пермь, 2007.